

ИСТОРИЧЕСКИЕ **Сенсации**

ЛЕОНИД ГУРЧЕНКО

ГЕРАКЛ- ПРАОТЕЦ СЛАВЯН

ИЛИ

**НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ
РУССКОГО НАРОДА**

Леонид Александрович Гурченко
Геракл – праотец славян,
или Невероятная
история русского народа
Серия «Исторические сенсации»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011749

Геракл – праотец славян, или Невероятная история русского народа:

Алгоритм; Москва; 2012

ISBN 978-5-6995-4499-8

Аннотация

Легенда о происхождении скифов от связи Геракла с полуженщиной-полуехидной, приключившейся на берегах Днепра-Борисфена писал еще отец истории Геродот. Упомянул об этом мифе и Лев Гумилев. Однако особенностью данной книги является углубленное изучение всех аспектов возможных причин возникновения этого мифа. В рамках своего труда автор проводит сенсационные параллели между Гераклом и героем древнерусских былин Ильей Муромцем, между библейским Эдемом и садом Гесперид, находит изображение Геракла на Збручском идоле и делает вывод что Геродотовы будины, гелоны, навры – праславяне, поклонявшиеся Гераклу как богу.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая Геракл – праотец славян	8
Глава первая	8
I	8
II	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Леонид Гурченко Геракл – праотец славян, или Невероятная история русского народа

Предисловие

Миф и реальность, ориентированные на Север

В современной ситуации уже только упоминание слова «Север» определенным образом обязывает традиционалистов. Подразумеваю титаническую попытку Гейдара Джемалья прорвать реальность своим трактатом «Ориентация – Север», который впервые был опубликован в 1997 г. в шестом номере журнала «Волшебная гора». Эта ситуация взбудоражила интеллектуалов. Г. Джемаль предстал как хранитель оружия НИЧТО или само вооруженное НИЧТО. Я перед этой метафизикой «встал как пень». Узнать значит перемениться. Но перед знанием «ориентации» Г. Джемалья не мешь: перемена теряет смысл, потому что теряешь реальность и самого себя. Я «с миром не знаком», разумеется, с подоб-

ным миром, я «дома», в границах мысли об ИНОМ как истинном бытии, которое, вопреки Г. Джемалю, все-таки соприкасается с реальностью, и в которой ориентация на Север не отключается.

В своем сочинении я нахожусь в пограничной зоне мифа как абсолютного знания о предмете (Север) и не вхожу в мир раскрытия мифологем как очевидных или заочных следствий, пытаюсь в то же время узнать, существует ли выход в отрицательное время – от будущего к прошлому. Рассматриваются также вопросы, связанные с сюжетами в библейском саду Адама и Евы и в саду Гесперид греческих мифов: о змее-искусителе как держателе времени, о плодах на Дереве жизни и запретных плодах с *Разумного дерева*. Рассматривается вопрос о «середине» как обиталище демонических сил. Касаюсь также, отчасти, иерархии и противопоставления человеческих типов северо-западных и южных славян в пределах России, но опять-таки на уровне этнографических мифов. И варианта «натурализации человеческого бытия, основанного на различии рас» (*К. Ясперс*). Линия проходит по направлению Север – Юг. Эта ситуация зафиксирована в общих чертах, тем не менее она оказалась близкой Пелазгическому мифу о творении.

«В начале Эвринома, богиня всего сущего, восстала обнаженной из Хаоса и обнаружила, что ей не на что опереться. Поэтому она отделила небо от моря и начала свой одинокий танец над его волнами. В своем танце она продвига-

лась к югу, и за ее спиной возникал ветер, который ей показался вполне пригодным, чтобы начать творение. Обернувшись, она поймала этот северный ветер, сжала его в своих ладонях – и перед ее глазами предстал великий змей Офион. Чтобы согреться, Эвринома плясала все неистовей, пока не пробудилось в Офионе желание, и он обвинил ее божественные чресла, чтобы обладать ею. Вот почему северный ветер, который также зовется Бореем, оплодотворяет: вот почему кобылы, поворачиваясь задом к этому ветру, рожают жеребят без помощи жеребца. Таким же способом и Эвринома зачала дитя¹. Затем превратилась она в голубку, села, подобно наседке, на волны и, по прошествии положенного времени снесла Мировое яйцо» (*Зарубежная литература для средних и старших классов. Нижний Новгород, 1994. С. 11–12*). (Далее известное развитие событий: с Мирового яйца все и началось. – Л.Г.)

С Пелазгическим мифом хорошо коррелируют знания «Авесты», переданные Б.Г. Тилаком в его книге «Арктическая родина в Ведах» со слов верховного жреца парсов Декана – о том, «что у мира есть центр, где когда-то произошел акт творения». Именно на Севере «мир неподвижен, неподвержен времени, и именно там начинается «лестница на небеса» (Ю. Соловьев).

Вот теперь куда как хорошо сказал Г. Джемаль: «Посред-

---

¹ Ср. народное выражение по поводу того, когда женщина беременела без мужа: «ветром надуло».

ством мифа невозможное становится центром субъективной реальности»; и – «Отпавшее от реального мифа существо живет под гипнозом обреченности и гибели» (*Джемаль Г. Ориентация – Север. // Миф. № 17, 34*). Последний афоризм сразу сталкивает нас с уверенным мнением К. Ясперса: «... то, что человек может погибнуть, становится очевидным в возможности отсутствия *воздей*». И добавляет: «... отдельный индивид поясняет массе, чего она хочет, и выступает в своих действиях от ее имени» (*Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 325, 333*).

Но я был неправ, когда говорил, что «с миром не знаком». То, что я допустил стихотворные вставки в тексте – это и есть мои выходы «в мир». В них-то и возникает духовная ситуация человека, где он ощущает себя в пограничных ситуациях, когда он не входит в общий «порядок существования». В стихотворном эпилоге «Жизненное время» как раз речь идет об индивиде, способном принять решение на себя и пояснить массе, чего она хочет. Это и есть содержание и цель моего сочинения.

Леонид Гурченко, ноябрь 2011 г.

Часть первая Геракл – праотец славян

«Любя брани (войну) и любя мудрость, богиня (Афина) избрала и первым заселила такой край (Афины – пелазгами), который обещал породить мужей, более кого бы то ни было похожих на нее самое. И вот они стали обитать там, обладая прекрасными законами... и превосходя всех людей во всех видах добродетели, как это и естественно для отпрысков и питомцев богов».

Платон. «Тимей», 24 с – d.

Глава первая

I

Время жизни Геракла. – Пелазги, македоны, дорийцы. – Фракийцы бибрики – «бобры». – Склаввы и анты – «выдры». Славяне Северо-западной Руси и Южной Прибалтики – «волки». – Слово «русь» всегда имело отношение к ситуации, в которой оно произносилось – полноту царского значения. – У восточных славян существовал культ Геракла. – Усатый гигант в нижнем ярусе Збручского идола – это Геракл, дер-

(1) Жил Геракл во второй половине второго тысячелетия до Рождества Христова. В это время Геракл, находясь в Олимпии, воздвиг святилище герою Пелопсу, потомком которого он был в четвертом поколении. Святилище открыто современными археологами и датировано. К тому времени относится и поход аргонавтов в Колхиду за Золотым руном. Геракл собрался принять участие в походе вместе с Орфеем, близнецами Кастором и Полидевком, Тесеем, национальным героем ионийцев-пелазгов, жителей Аттики. Сам Геракл был племенным богом дорийцев, жителей Аргоса, которые в Фессалии входили в конфедерацию пелазгов, затем поселились у Пинда, горы в Македонии, и назывались македонами до переселения в Пелопоннес, где приняли имя дорийцев. Геракл собрался в числе сорока трех воинов на пятидесятивесельном корабле, среди которых была женщина-воительница Аталанта.

(2) На носу корабля богиня Афина укрепила ствол проризающего додонского дуба. Но добывать Золотое руно Гераклу не пришлось. У берегов Северной Греции, в Фессалии, второй родины пелазгов, он был оставлен в гавани Афеты, ибо сам корабль Арго провещал человеческим голосом, что не в силах вынести его тяжесть. Не судьба!

(3) Способность корабля Арго произносить человеческие слова заставляет сделать паузу и заметить, что одушевлен-

ность простых механизмов была известна всегда (чего стоит избушка Бабы Яги, исполняющая человеческие приказания), а поведение современных сложных машин вообще пускает своей автономной жизнью.

(4) Рядом с Фессалией располагалась фракийская Мисия в современной Болгарии. В этой земле жило племя бебриков, которыми правил Амик, сын Посейдона и Вифинской нимфы – сын морского царя и речной девы из Малой Азии. Слово «бебрики» знакомо славянскому слуху – это бобры. В «Слове о полку Игореве» «бебрян рукав» – бобровый рукав. Но «бобры» – не славяне. Склавы и анты тоже «водоплавающие», как сообщают византийские авторы, потому что, «внезапно застигнутые опасностью, погружаются глубоко в воду, держа во рту изготовленные для этого длинные тростинки, целиком выдолбленные и достигающие поверхности воды; лежа навзничь на глубине, они дышат через них и выдерживают много часов, так что не возникает на их счет никакого подозрения» (*Маврикий, 1991. С. 371*). Но славяне не «бобры», а «выдры»: «Куманин (*половец*) пардус есть», – сказал памятник отреченной русской литературы и продолжил: «Русин видра есть» (*Тихонравов, 1863. С. 440*).

(5) Если русины связаны здесь со славянами Киевской Руси, то связь эта, конечно, не выдумана, но это не та часть русских, которые *русь* «из Вагрии», из области, как писал Лейбниц, глашатай точки зрения датского происхождения *руси*, где «расположен Любек, который считался в старину

за принадлежащий славянам» (*Мыльников, 1999. С. 153*). Там и ободриты, которые еще на Дунае, на своей прародине, «по соседству с болгарами в Дакии», получили на языке местного народонаселения эпитет «грабители и убийцы», связанный со славянским глаголом **ob(b)derati/*ob(b)dьrati* «ободрать, ограбить» – «этноним неукротимых лютичей, то есть «лютых, свирепых» (*Трубачев, 2003. С. 141, 142*). Рядом жили их лютые соседи велеты или велатабы, которые часто выступали против них, негодуя за союз с франками. Сами франки называли их вильцами, но, по-видимому, они искажали имя или просто сближали их с волками. Потому что между другими народами Прибалтики велеты занимали первое место и были известны свирепостью и воинственным нравом (*Эйнхард, 2005. С. 79, 142, примечание № 54; 245*).

(6) Прибалтийские славяне верили в волка. «Во многих местах Мекленбургского округа (Велиградский округ, область расселения ободритов. – *Л.Г.*), где вера в Хлебного волка особенно распространена, крестьяне опасаются сжигать остаток хлеба, потому что в нем скрывается волк. Волком, а коли речь идет о ржи, то Ржаным волком, зовут и самого человека, сжавшего последний сноп. Во многих районах Мекленбургского округа такой человек должен проявить свою волчью природу: делать вид, что собирается укусить товарищей по жатве, подражать волчьему вою и т. д... Он (волк) выступает в роли духа хлеба» (*Фрэзер, 1986. С. 420*). В связи с этим можно сделать неоспоримый вывод: выдра и

волок несоосная зооморфная пара.

(7) Запас русских свойств хранится у людей Северной Руси и в Белоруссии – словене и кривичи участвовали в создании начальной Руси. Сказано о посольстве к варягам: «Реша русь, чудь, словене, кривичи... земля наша велика и обильна, а наряда в ней нету; да поидите княжить и владеть нами». Таково содержание этого текста с точки зрения пяти летописей: Лаврентьевской, Ипатьевской, Хлебниковской, Троицкой и Летописца Переяславля Суздальского. И только в двух – Радзивиловской и Московско-Академической летописях представлена форма не *русь*, а *руси* (Шахматов, 1916. С. 19, примечание № 13). Поэтому А.А. Шахматов реконструировал текст, по замечанию Л. Мюллера, «не по свидетельствам, а «по смыслу» (.Мюллер, 2004. С. 52). Выходит, что около озера Ильмень существовала Русская земля и к варягам обратились с призывом идти княжить в их землю *русь, чудь, словене и кривичи*. Такой взгляд как будто находит подтверждение в высказывании 2-й редакции Повести временных лет, если поставить соответствующие акценты: «И от тех варяг прозвася Руськая земля Новъгород, ти суть людие Новъгородъстии от рода Варяжъска, преже бо беша Словене» (Шахматов, 1916. С. 20). – И от тех варягов прозвалася Русская земля «Новгород» (после прихода Рюрика *Holgardr* получил славянское название – Новгород), те по сути люди новгородские от рода варяжского [так прозвались], а прежде были словене». Еще точнее сказано в Лаврентьевской летописи

си, если только не ошибочно слово «новгородцы» повторено дважды. Но если не идти следом за переводами-толкованиями, то высказывание о приильменской Русской земле до варягов получает еще более определенное содержание. «И от тех варяг прозвася Руская земля новугородыди, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени» – И от тех варягов прозвалась Русская земля – «новгородцы», те по сути люди «новгородцы» от рода варяжского [так прозвались], а прежде были словени.

(8) Слово *русь* всегда имело отношение к ситуации, в которой оно произносилось – полноту царского значения. Послы, придя к варягам, сказали: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нету; да поидите княжить и владеть нами». – Тогда ильменские философы в своих логико-философских трактатах разумно признавали, что значение отнюдь не атмосфера, которая присутствует при каждом произнесении слова. Это может быть и отсутствием значения, если произнесение слова не служит никакой цели, как в повседневной речи. И все-таки значение определяется обстоятельствами произнесения слова. Поэтому, дескать, если послы ильменской Русской земли сказали варягам: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нету, да поидите княжить и владеть нами», – это значит, что они сказали не в смысле «порядка нет, все безобразничают», а изложили существо дела языком юридических документов того времени. Наряд – система центрального государственного управле-

ния. Правда – кодифицированный свод законов, например, Русская правда. Володеть – чисто юридический термин, вне контекста договоров в летописях не встречается (*учтен текстологический анализ В.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, изложенный В. Егоровым*). Вот и оказалось, что в Русской земле нужно не создавать новое государственное управление, человеку это невозможно, народ не примет это за свое, а восстановить все как было. Потому что мягкая система – демократия, как начальное условие власти, привела к хаотической социальной динамике. И что для великой и обильной земли необходимо сочетание жесткой, монархической, и мягкой, демократической, системы. Поэтому послы призвали вождя-монарха, окруженного атмосферой династического значения, связанного с властью римских цезарей.

(9) Геракл по пути за поясом царицы амазонок Ипполиты прибыл в Мисию к Лику. И был там радушно принят фракийцами. В то время там происходила борьба с царем бевриков-фракийцев, Геракл помог Лику и многих перебил: в их числе был Мигдон, брат Амика, правителя бевриков, сына Посейдона и Вифинской нимфы. Геракл отделил от государства бевриков часть земли и отдал ее Лику, и тот всю эту землю назвал Гераклеей.

У нас есть определенный интерес к этой Гераклее. Поиски проявления культа Геракла у восточных славян приводят к фракийцам Гераклеи и к скифам Южной России, потому что причиной появления имени божества в форме Семаргл /

Симаргл в пантеоне Владимира и в письменных памятниках В. Ягич называет влияние Гераклеи и греко-египетской формулы Sem Herakl— «Святой Геракл» (*Jagic, 1881. Bd. 5*). А фигура усатого богатыря в нижнем ярусе Збручского идола, на наш взгляд, представляет Геракла, державшего небесный свод, пока Атлант добывал для него яблоки Гесперид. Это событие было известно не только славянам, но и кельтам, и служит предметом нашего повествования.

Еще скажу так: мне до сих пор кажется, что если мне доведется лечь спать пораньше и, таким образом, встать рано, и при этом никуда не нужно будет торопиться, однако при условии, что я просто пойду куда-нибудь и буду дышать свежим воздухом, тогда я обязательно сформулирую то, о чем думаю: что есть что. Возможно, что это чувство родилось при воспоминании об Академии перипатетиков, сферой интересов которых были только те их мысли, которые родились при ходьбе и на свежем воздухе, — этим мыслям они доверяли.

Пусть, однако, не думают, будто мы не знаем, высказывание В. Хлебникова о том, что есть что, и сказал он хорошо:

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на «ты».
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам:

Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы споют у оконца,
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца —
Самодержавном народе.

Не надо вести никаких исследований, чтобы утверждать, что беседовать с небом на «ты» удалось одному только Гераклу, когда он, сжигаемый лучами солнца в Северо-Западной Африке, направил свой лук в сторону бога солнца Гелиоса и хотел выстрелить в него, но Гелиос вступил с ним в диалог и отговорил от этого дерзкого поступка; после чего Геракл получил от Гелиоса его золотой кубок и переплыл на нем океан.

(10) Нельзя пренебречь фракийским именем Лик, которое в виде первой части в имени Ликаон встречается у пелазгов и троянцев. Первый – это Ликаон, сын Пелазга, который породил от различных женщин пятьдесят сыновей, в числе их был и сын Ликей.

Но тут проявляется одно обстоятельство и просит, чтобы обратили на него внимание – это двойственное значение в греческом имен Лик, Ликаон и Ликей, которые связаны со словами «волк» и «свет». *Ликос* «волк»; *ликавос* «год, путь солнца» от слова *ликэ*; *Ликеиос* «Ликейский или Ликеец», эпитет Аполлона *от ликэ* «светлый», бог света. Но производили его от *ликос* «волчий» (Вейсман, 1991. Стлб. 770,

КРАСОТА В ДЕЙСТВИИ

1

Кочевники ищут пастбищ и счастья,
Но кормятся они только крамолой,
Беспорядками там, где бы порядок —
Внутри, в своей стихии – должен быть.
И когда: как нам быть? – размыслишь,
Перемещаясь в духе от чувства
Жизни и красоты у одних, дальше,
К тому народу, у которого красота —
Римляне лишь нашли этому чувству
Сверхприменение, ближе к нам немцы —
Крики команд, эстетика знамен и боя, —
Не актуальна и не энергична
Красота без Империи – не вечна!

2

Но не возникайте с мыслью: а греки? —
Да, братья! О, как я хотел и это
Сказать, скажу: красен ужас жара
Страстей Земли – Элевсин, Элевсин! —
С мертвым живого связь, ужас Деметры
Губастой. Безжалостные, что цвело
В поступках тогда живых людей,
При Эмпедокле? – Что у отца, схватившего сына,
Чей образ как у слетевшего с ума, —

С молитвой его закалывает и готовит в доме
Жертвенный пир, свою плоть пожирая?
Мысли? Так это ведь дух мироздания.
И, должно быть, стихия, погода действий.
А дар богов у них был – камень канонов.
Красота – Аполлон, безжалостный волк.

3

Да, мы спасем себя, нет здесь вопросов.
Кочуем по своей наживе, корчуга
Благополучие своих, – Россия!
Добыть бы нам, чуждым, сродные формы
В эстетике, верней – красоты в делах.
Нам отбирать воздух от этого мира,
И вывести его из аморализма,
Из мертвой точки, не ссылаясь на рынок.
Себя опознать в героях. Хотеть бы нам так,
Чтобы истинное создать давление
В системе мир-спасет-красота, – братья!
О, разрушающее давление на
Волю к наживе, что только к наживе. Вон!

Благоприятный случай! Теперь можно рассмотреть обстоятельство, «пришедшее из глубины патриархальной мудрости». Дело в том, что «из всех современных языков, после халдейского (откуда Сент-Ив это знает?! Поверим на слово) только в славянском *слово* и *слава* имеют одну и ту же смысловую сторону языка слов. Слово и Слава! Эти два вы-

ражения имеют этимологически близкое значение и одинаковую творческую силу. «Начало – есть Слово» (*Инн., 1:1*). Говорить – значит творить. Сотворенное Словом – это мир Славы». В этом случае Сент-Ив удачно обратил внимание на слова из последней молитвы Воплощенного Слова – Иисуса Христа: «И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (*Инн., 17:5; Сент-Ив, 2004. С. 143*).

Сыновья Ликаона превосходили всех людей своей нечестивостью и заносчивостью. Их нечестивость выражалась в том, что они совершали человеческие жертвоприношения, смешивая внутренности убитого с мясом жертвенного животного. И отличались такой же заносчивостью, какая была у Кейка, сына Эосфора-Люцифера, утренней звезды, и его жены Алкионы: они оба погибли вследствие своей заносчивости, ибо он называл свою жену Герой, а она своего мужа – Зевсом.

Зевс поразил своим перуном Ликаона и всех его сыновей, кроме самого младшего Никтима. В его царствование произошел тот потоп, который относится ко времени Девкалиона. Причиной этого потопа было нечестие сыновей Ликаона – греховность, порочность и беззаконие.

В то время как по древнему греческому обычаю аристократы часто называли себя зевсорожденными и преследовали мысль о равенстве Зевсу, подобно как древние русские аристократы называли себя дажьбожьими внуками, – славя-

не, наоборот, держали обычай давать представителям аристократических родов имена богов, отождествляя себя с ними. Радагаст или Радогость – это вождь дакийских славян в Нижнем Подунавье в VI в. Так называли главного бога Поморских славян. В качестве антропонима это имя широко встречается в древнеболгарском, старочешском и старопольском языках (*Феофилакт Симокатта, 1995. С. 15; 45, примечание № 17; Феофан Исповедник, 1995. 255; 293, примечание № 57*). Много позднее в письменных свидетельствах встречены славянские антропонимы Волос и Дажьбог.

Такая заносчивость и беззаконие, возможно, осознавались как «путь к высшему единству», но не как «соединение противоположностей», а как равенство с божеством. Что не было, конечно, связано со словами Псалма: «Я сказал: вы боги», – которые подразумевают тех, к кому было слово Божие (*Иин., 10:34–36; Пс. 81:6*). Нет, в славянском случае была магия имянословия, нечестие и заносчивость.

(11) Второй Ликаон – это сын троянского царя Приама, «молодой Ликаон». Ему, молящему о пощаде, трепещущему, руки раскинув, сидящему на земле,

Ахиллес... стремительно меч обоюдный исторгши,
В выю вонзил у ключа, и до самой ему рукояти
Меч погрузился во внутренность;
ниц он по черному праху
Лег, распростершись; кровь захлестала и залила землю

(II., XXI, 34; 115–119)

«Фракийцы составляли основной компонент населения гомеровской Трои, то есть собственно троянцы, дарданцы... и другие народы, пришедшие с Балкан – мисийцы, фригийцы...» (*Гиндин, 1991. С. 39*). «Фригийский язык, по-видимому, был близок к языку балканских фракийцев (может быть, и пелазгов), а также к балто-славянскому праязыку» (*Дьяконов, 1982. С. 48*). Геродот таким лингвистическим анализом не владел, но подтвердил, что пелазги говорили «на варварском языке».

«Два племени из числа «народов моря», известные в дальнейшем под названием филистимлян, что не исключает, что это другое название пелазгов и от их имени происходит само слово «Палестина», осели на плодородном палестинском побережье», изгнав огнем и мечем автохтонов. «Пелазги были, возможно, народом, родственным минойцам» (*Дьяконов, 1982. С. 234; Андреев, 1982. С. 286, примечание № 6*).

Но, как утверждают некоторые, это был северный союз кельто-славянских и пелазгских федераций на территории Балкан и Среднего Дуная (*Сент-Ив, 2004. С. 11*).

Несомненно, что пелазги стремились, в согласии с Юнгом, к совершенству «по врожденному свойству человека и народа реализовать себя в завершенности, навязывающейся нам, вопреки всем нашим сознательным стремлениям, но в согласии с архаической природой архетипа» (*Юнг, 1997. V*,

А как же иначе!

КАНЦОНА

Чужие нам Ливан и Палестина,
Как уссурийским дебрям
Край ассирийский. Нет! Не это слово.
Вдали родным озвученные ветром,
Вы след от колесницы
Арийцев борзоходнейших как холод.
Покинув Ливны, хором
На юг неслись, погода им – ливан².
Тепло. Не хохлятся к ненастью птицы.
И этот вот годится,
Стан опаленный солнцем – Палюстан.
Возликовал их стан.
Откуда мы? Из рая,
Гиперборейцы Тулы мы, израиль —
Терзание благое, туч оскал. —

Давным-давно осели все кочевья,
А звери передохли.
И только лишь за окнами машины
Скрежещут, воя, как степные волки,
Да звонкие качели —
Сверхсамолеты – обнесут страшилищ,

---

² Ладан.

Туристов быстрых тыщи,
По континентам света – и домой.
Нет угомона только на жидеев.
Кочующее племя,
Свободное за чей-то счет живой,
Ослоголовые – долой!
Могучая Звезда³
С небес, со своего пути, сражалась с вами:
Низверженные, яму
Вы роете другим, она – для вас, без дна.

Ворожат вам, потворствуя, тупые
Клеветники: вы – сила.
Гнилое слово смол неуголимых,
Убожливых к добру, неугасимых
Во зле людей. Былые
Дела родных славян – петлей и клином,
Лишь суета – малина,
Без отдыха и пауз суета.
Срываются скорей, скорее с места
И улизнуть им лестно,
А паузы по-княжески всегда
Патриархальны. Да,
Лжецы все – современны,
Подделки ваши и замены,
Как месть нам – остальным – скрывают, плуты.

Канцона-песнь, не умирают жанры,

---

³ Иисус Христос.

Все кто-нибудь поет в народе,
Сказали Кожинов, Бахтин и Блок, —
А наш народ широк
И путь отмеченный не пройден,
Орфейным жанрам рады.
Слепой Восток, худой ли Юг
Тревожат мир, не возражай, а крикни:
Эй, арии всех стран,
Соединяйтесь! Воздух отравили.

(12) У Ликаона, сына Пелазга, была также дочь Каллисто. Она сопровождала Артемиду на охоте, носила точно такой же наряд, как Артемида, и поклялась богине навсегда остаться девушкой. Но Зевс, обходя огромные стены неба – не обвалилось ли что, – направил взор на землю и беды смертных. И вот поражен красотой девушки, встреченной им, – и огонь разгорается в жилах. Только узрел отдохавшую в непорубленной роще, вовсе без стража, стиснул ее в объятьях. Сопротивляясь, она вступила с ним в борьбу, – но победитель Зевс взмыл в небеса (*Ovid. Met. II. 401–438*). Чтобы скрыть это от Геры, он превратил Каллисто в медведицу, но Артемида застрелила ее за то, что она не сохранила девственность. После гибели Каллисто Зевс поместил ее среди звезд и назвал Медведицей.

Теперь мы знаем, говорил вавилонский поэт-гарус-пик⁴,

---

⁴ *Гарустик* (лат. *haruspex*, от *hīrae* (этрусск. *harus*) – кишки, внутренности и этрусск. *spesio* – наблюдаю) – жрец в Древней Этрурии, позже – в Древнем Риме,

что все, днем незначительное, разрастается по ночам; рядом со всем, что днем мало, маячит то, что ночью велико. Мы проникаемся восхищением перед звездным небом. Чувствуем, что звезды объявляют нам правду.

II

Гераклу было ведомо, что Медуза Горгона, через своего сына Пегаса, ненавязчиво связана с поэзией и поэтами. – Драконообразная голова Афины. – Эпическая проекция: Геракл и Илья Муромец. – Первые русские князья происходят от рода Филиппа Македонского. – Значение лука Геракла в Троянской войне. – Паллада и богиня безумия Ате. – 1941 год. – Иван Грозный. Опричнина

(1) Геракл в шестом колене по материнской линии был потомком Персея, а в пятом – Перса, от которого пошел род персидских царей. Его матерью была Алкмена, мужем которой стал Амфитрион. Но Зевс, приняв его облик, сошелся с Алкменой и она родила Геракла. Уже в зрелом возрасте он был усыновлен Зевсом и Герой по обычаю древних: «Богиня легла в постель, и прижав к груди дородного героя, протолкнула его через свое одеяние и уронила наземь в подражание действительным родам», – так описал этот обычай Диодор (*Фрэзер, 1986. С.22*).

Геракл выделялся среди всех людей необыкновенным ростом и силой. С первого взгляда можно было сказать о нем, что он сын самого Зевса. Ростом он был в четыре локтя⁵, глаза сверкали огнем. Но это рост, который достигает 1 м 84 см, делает понятным восхищенные отзывы византийских греков о славянах примерно такого же роста: «высокие как пальмы», – и ужас римских солдат, набираемых из средиземноморского и балканского регионов, которые, впервые увидев высокорослых германских варваров, плакали ночью перед сражением.

(2) Во времена Геракла, как свидетельствуют об этом современники, все в своих действиях следовало за своими начальниками, и государство покоилось на равновесии между небом и землей, на согласии мрачного и светлого. В связи с этим и музыка возникала как осмысление мира, она была радостная, громкие звуки не считались прекрасными (*Гессе Г. Игра в бисер*). Лучшие люди должны были знать музыку и уметь ее исполнять. Геракл учился пению и игре на кифаре у Линя, брата Орфея. Но Геракл убил его ударом кифары за то, что Линь побил его. Казалось бы, в этом случае был нарушен существующий порядок, когда все в своих действиях следовало за своими начальниками, жизни был причинен

---

⁵ *Локоть* – единица измерения длины, не имеющая определенного значения и примерно соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки. Известен у многих народов мира. Так у египтян локоть равнялся 45 см, у греков – 46,3 см, у римлян – 44,4 см, древневосточный – около 45 см, персидский (царский) – около 53,3 см.

вред, и должна была появиться бурная, волшебная «музыка гибели», а вслед за ней народный ропот. Но когда Геракла привлекли к суду по обвинению в убийстве, он прочел перед судом закон Радаманта, сына Зевса, самого справедливого из людей, давших людям законы, о том, что, кто ответит ударом на несправедливый удар, не подлежит наказанию, и был, таким образом, освобожден от наказания. Мало того, тогда чувствовали, как говорит один современник, доверие к себе самому, к собственной силе и собственному достоинству, ценилась личность и ее отклонения от нормы, уникальность, часто даже патология (*Гессе Г. Игра в бисер*). И это ценилось: Гомер «свершителю подвигов чудных» дал эпитет «зверский Геракл» (*Od. XXI, 22 слл.*).

(3) Смолоду знал Геракл вместе с другими о своих великих делах со слов слепого предсказателя Тиресия. Однако не миновал богатырского распутья – выбора между добродетелью и пороком, путем направо или налево. Но Геракл был человеком грамотным, поэтому знал, что арийское письмо разворачивается слева направо, что это процесс приобретения сознания, что правая сторона управляется сознательным разумом, поэтому «право» всегда – это «прямо», «открыто». А левая сторона, так или иначе, подвержена воздействию бессознательного в виде эмоций и разного рода страстей. Но знал ли он и то, что у тех, кто выбирает судьбу, «повернутую влево», слова будут истинны, и смогут они предсказать, что произойдет? (*Юнг, 1997. VI, 82. С. 112; XIV, 409.*

С. 282, 283, 295, *примечание № 104*). Полагаем, что да. Гераклу, как потомку Персея, было ведомо, что Медуза Горгона как-то ненавязчиво связана с поэзией и поэтами: голова ее была покрыта чешуей дракона, клыки были такой же величины, как у кабанов, у нее были медные руки и золотые крылья, на которых она летала. Каждый, взглянувший на нее, превращался в камень. И когда Персей кривым мечом отсек Медузе голову, из нее выпрыгнул крылатый конь Пегас, а вторым был Хрисаор⁶. Горгона родила их от морского бога Посейдона. Но обезглавлена Горгона была из-за Афины: она хотела состязаться с Афиной в красоте. Какова же тогда была сама Афина? Как боги инков – драконообразная?

Надо сказать, что я видел – если не ошибся – драконообразную голову Афины, изображенную в профиль, на аттической вазе VI в. до н. э. мастера Андокида. На вазе изображен пир Геракла. Он в окружении богов Гермеса и Афины, препроводившей его на Олимп. Есть еще мужская фигура по другую сторону ложа Геракла. Афина с копьем на левом плече смотрит на Геракла, сзади нее Гермес. Все боги как боги – с человеческими лицами, а вот у Афины голова не просто дракона, а крокодила. И вместо глаза завиток улитки. Не может быть! Лучше остаться с мыслью, что это производственный брак. Но ведь на ловца и зверь бежит! (*Савостина*,

---

⁶ *Хрисаор* (др. – греч. Χρυσογορ, «златомеч») – в древнегреческой мифологии сын Посейдона и Горгоны Медузы, появившийся на свет, когда Горгону обезглавил Персей. Родился с золотым мечом в руках. Брат Пегаса. – *Прим. редактора.*

1983. С. 50, рис. № 4).

И все-таки оказалось, что не в Афине тут дело, а во мне: мой взгляд на рисунок мутился от мысли, что я встретил древний зооморфический образ богини в ее хтоническом виде, когда ее называли «пестровидной змеей» (*Орфический гимн XXXII, 11*). Свежий взгляд моей дочери Марии увидел не змеиную голову богини, а ее шлем с зубцами, тогда как белое лицо Афродиты под ним не пропечаталось на журнальной иллюстрации. Лица остальных богов черные – они пропечатались.

(4) Пегас, служа Музам, поднимается на своих крыльях на небо к богам и знает, что они действительно существуют. Поэтому он стал «конем поэтического вдохновения». Судьба поэтов была повернута влево, к золотокрылой Горгоне и сыну ее Пегасу, слова их были истинны и они могли предсказать, что произойдет. Мы знаем, что песнопения эритрейской Сивиллы, содержащие стихотворение с апокалиптическим пророчеством, принадлежали к этой традиции: своим именем она была связана с Троей, обитала в Малой Азии и имела отношение к Аполлону и Музам. Эта Сивилла предсказала племени европейских арийцев, чему надлежит быть в конце времен.

В знак судного дня земля покроется потом,
С неба спустится Царь, который пребудет вовеки:
Явится во плоти, дабы судить весь мир.
И верующий, и неверующий

Признают в Нем Бога Вышнего со Святым,
Пришедшего в конце времен.
И тогда души, облекшись в плоть,
Придут к Нему, да судит их...

(Юнг, 1997. VI. С. 105, примечание № 2. Ссылка на «Град Божий» Августина.)

(5) Геракл, совершив свои подвиги, так и продолжал носить данное ему прозвище Мелампиг – «Чернозадый»: эта часть его тела густо поросла черными волосами. И только когда он взял Троию до Троянской войны, приплыв к городу на восемнадцати пятидесятивесельных кораблях с отборной дружиной добровольцев, Теламон назвал его Каллиником («Победителем») и соорудил алтарь Гераклу Каллинику.

Геракл всегда убивал вражеского царя, а убив, начинал сокрушать его войско. Царь минийцев Эргин двинулся походом на Фивы. Геракл встал во главе войска фиванцев, убил Эргина, обратил минийцев в бегство и заставил их платить дань в двойном размере. В Мисии Геракл помог Лику в борьбе с царем бевриков Мигдоном. Он убил Мигдона и многих из его войска перебил. Придя в Трахин, Геракл стал набирать войско, чтобы отправиться в поход на Ойхалию. Убив царя Эврита и его сыновей, Геракл захватил город, но досталось, конечно, и войску. И так было всегда, когда Геракл сражался с царями и с их войском.

Поэтому знаменательным кажется для эпической проекции «Геракл и Илья Муромец», к которой мы теперь перей-

дем, именно эта особенность тактики Геракла: сначала убить вражеского царя, а затем сокрушить его войско. Но нам пригодится и такой, менее известный эпизод, когда Геракл, мучимый ядом гидры, после того, как он надел хитон, пропитанный этим ядом, принесенный ему от его жены Деяниры вестником Лихасом, в гневе схватил Лихаса за ноги и швырнул его далеко прочь.

В былинах «Илья Муромец и голи кабацкие», «Илья Муромец и Калин-царь» (Былины. I. 1958. С. 144–165; Азбелев, 1982. С. 174–180, 188, примечание № 122) Илья в сражении с Калин-царем, сидя на добром коне, взялся посохом дорожным с загнутым сверху концом, шалыгой железной, помахи-вать, да и по татарам «пощелкивать», истребил всех до единого. Приезжал к царскому шатру, взял в полон самого собаку царя Калина и предал его скорой смерти. Стали татарове с той поры дань платить.

В следующей былине «Илья и Калин-царь» Илья набрал ополчение добровольцев из двенадцати богатырей святорусских, по числу апостолов Христа – сам тринадцатый. Результат был однозначный, но с оттенком военной тактики: богатыри взяли в плен собаку царя Калина, привезли его в славный Киев-град ко славному князю Владимиру и принудили платить ему дани век и по веку.

В былинах на тему борьбы с татарами, когда Илье «нечем-то с татарами попротивиться», загораясь гневом:

Да схватил татарина он за ноги,
Тако стал татаринoм помахать,
Стал он бить татар татаринoм,
Й от него татара стали бегати...
Вышел он в раздольице чисто поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону...

Кстати, сходный эпизод содержится в истории борьбы с разбойниками племенного героя пелазгов Тесея. Разбойник Скирон, сын Посейдона, обитал на Мегарской земле среди скал, и заставлял прохожих мыть ему ноги; когда же они приступали к мытью, он сталкивал их в пропасть на съедение огромной черепахе. Но Тесей схватил его самого за ноги и сбросил в море.

Воспитанным на современных представлениях об архаике покажутся неестественными, а потому выдуманнoми, древние связи славян как с эллинами, так и с италиками. Покажется, даже если им скажут, что в былине «Добрыня и Маринка» содержится «сюжет о женщине-чародейке (иногда-богине), привораживающей мужчин и затем умерщвляющей их или превращающей в животных», который имеется и в «Одиссее» Гомера (песня X, Одиссей и Кирка или Цирцея) – он отмечен в комментариях к былине в издании «Былины» в 2 томах, том 1 (М., 1958. С. 513). Даже если будут известны исследования О.Н. Трубачева на тему контактов праславян с прагреками (*Трубачев, 2003. С. 270*).

Поэтому скажем еще решительнее, воспользовавшись

словами врага классических учений, которые, по его словам, «после Возрождения стали языческими и ведут Европу к решительной гибели в пользу Америки и Азии». Вот эти слова: «Жителями Эпира (Западной Греции, где расположены горы Пинд. – Л.Г.), были кельто-славяне... сама же античная Греция была заселена славянами и пелазгами до нашествия революционеров – торговцев из Азии – ионийцев... настоящими греками были балканские славяне; настоящими итальянцами были кельто-славяне... Все они были частью огромной конфедерации пелазгов», – маркиз де Сент-Ив д'Альвейдр. И мы с ним согласны.

Если теперь учреждены демократические игры в честь человеческой сущности, «более хаотической, более бестолковой, более анархической, более индивидуалистической», и никогда люди не находились под воздействием такой «сжимающей вооруженной силы», то, унося слышащих это на небо теократии, к звездам первого порядка – Орфею, Нуме, Пифагору, для оставшихся Сент-Ив видит «вторичную звезду» – Александра Македонского или Юлия Цезаря, которые, чтобы «гражданский беспорядок не сожрал самих граждан, направляют его стихию на то, чтобы поглотить мир» (*Сент-Ив, 2004. С. 9, 10, 11*). Это XIX в.! Мартинистская простота и сверхъестественные видения! В XX в. был не Александр или Цезарь, а Люцифер, готовый пожрать мир. Однако его система дала сбой, в ней появился хаос и непредсказуемость из-за сильной чувствительности любой системы к начальным

условиям, в которые сразу были заложены грубые погрешности, они-то и привели к непредсказуемым поворотам и глобальной катастрофе.

Тем не менее, ближе нам Александр по самой простой причине: его отец Филипп знал об «орфической славянской прото-Греции», и лучше пелопоннесцев понимал, что сам он и они из одного и того же гнезда, поэтому, сбивая спесь с послов Пелопоннеса, спросил: «А сколько среди вас настоящих греков?» (*Сент-Ив, 2004. С. 11, 23*).

Так или иначе, но Регина Дефорж в романе «Под небом Новгорода» об Анне Ярославне создала, скорее всего, в соответствии альтернативной версией о происхождении Рюриковичей от Филиппа Македонского, диалог между епископом Роже и королем Генрихом I, будущим мужем Анны:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.